

ЮРИЙ КИРИЕНКО – МАЛЮГИН

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

пьеса-былина
о русском национальном поэте

Москва
2005

Автор – Юрий Кириенко-Малюгин (Кириенко Юрий Иванович)
«Николай Рубцов» – пьеса-былина
о русском национальном поэте
Москва, 2005, с. 189-223.

Действующие лица:

Рубцов Николай Михайлович	- русский поэт (бывший детдомовец, матрос, студент литинститута)
Валентин Сафонов	- матрос, будущий писатель
Станислав Панкратов	- матрос, будущий поэт
Владимир Соломатин	- матрос, будущий писатель
Виктор Ф.	- матрос
Сосед матросов	- в Североморске
«Верзила» - «поэт»	- студент литинститута
Борис Шишаев	- студент литинститута, поэт
Василий Нечунаев	- студент литинститута, поэт
Анатолий Передреев	- поэт
Игорь Пантюхов	- студент литинститута, поэт
Александр Черевченко	- студент литинститута, поэт
Николай Анциферов	- поэт, бывший шахтёр
Николай Андреевич П.	- комендант общежития литинститута
Дамочка	- работник общежития литинститута
Сергей Багров	- журналист, писатель
Александр Романов	- писатель, Вологда
Василий Белов	- писатель, Вологда
Виктор Коротаяев	- поэт, Вологда
Сергей Чухин	- поэт, Вологда
Алексей Шилов	- гитарист и бард, Вологда
Ольга Фокина	- поэтесса, Вологда
Борис Чулков	- поэт, Вологда
Анатолий Семёнович Дрыгин	- секретарь вологодского обкома
Галя, Нина	- студентки, москвички
Таня, Мария	- сотрудницы Вологодской писательской организации

Время действия: 1959 г. (Североморск), 1964 г. и 1966 г. (Москва-общежитие литинститута, 1968...1969 г.г. (окрестности Вологды)

Все авторские права защищены

Концепция и текст пьесы зарегистрированы.

Сцена 1

Североморск. Комната на Гаджиева, 9. В комнате узкие койки, диван, постели, стол, рукописи, пишущая машинка, фотокамера, книги на полу стопками. В комнате буржуйка, на стенке лозунг: «Вход без полена – запрещён!». В комнате Валентин Сафонов, Станислав Панкратов, один в свитере, другой в верхней одежде.

Валентин Сафонов. Стас, подкинь дровец в печку! Холодина.

Станислав Панкратов. Да уже нечего подкидывать. Может твои выдающиеся произведения? (показывает на стопку бумаг)

Валентин Сафонов. Да кинь мои башмаки и вот эти бумаги! А что у нас сегодня на званый ужин?

Станислав Панкратов. Свиная отбивная, шашлык со спецоусом, сациви и охлаждённое бургунское.

Валентин Сафонов. Ясно! Стас, пельмени на подоконнике, гречка в шкафу, а с тебя банка тушёнки. Ставь на плитку!

Входит Владимир Соломатин в ватнике, с порванной штаниной, хромает, под мышкой держит два полена. Бросает к печке.

Валентин Сафонов. Что это с тобой?

Владимир Соломатин. Уф! Едва отбился от кобеля. Шёл мимо поленицы. Прихватил пару штук. Хозяин выскочил. И пса на меня. Еле-еле отбился (раздевается, снимает ведро с водой с буржуйки, наливает воду в таз, греет ноги).

Входит Виктор Ф. в матросской форме. Здоровается.

Виктор Ф. Ну что, товарищи матросы, что-нибудь накатали?

Валентин Сафонов. Вот именно, накатали! Ну, как мы пишем! О чём пишем? И где образы? Где душа? Смотрите, о чём думает Есенин! (читает из стихотворения «Русь Советская»)

Ну что ж!

Прости, родной приют.

Чем сослужил тебе, и тем уж я доволен,

Пускай меня сегодня не поют –

Я пел тогда, когда был край мой болен.

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдёт вражда племён,
Исчезнет ложь и грусть, –
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

Станислав Панкратов. Смотрите, что делает Есенин. Берёт сорняк-полынь и говорит, что нет ничего роднее (читает).

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольёт мне в грудь мою теплынь.

Виктор Ф. Неплохо! Да, надо нам за рифмами следить. Стихи отделявать.

Валентин Сафонов. Да это тебя надо отделявать! Тебя только редактируй и редактируй! Твою подборку стихов с трудом пропустили в газете!

Входит Николай Рубцов в матросской форме, с несколькими штакетниками под мышкой.

Николай Рубцов. Привет морским борзописцам! Вот от меня подарок после публикации (бросает штакетники к печке, достаёт пакет с продуктами). А это для ужина.

Готовят ужин. Нарезают хлеб, продукты, ставят стаканы.

Николай Рубцов. Ребята, вы подготовили подборку стихов к альманаху? Как сказал «редактор-начальник» нашей Кольской поэзии – Владимир Васильевич.

Валентин Сафонов. В основном. А ты?

Николай Рубцов. Готовлю понемногу. И Есенина читаю. Вот вчера на обсуждении моих стихов мне дали!

Станислав Панкратов. Не расстраивайся. Ну ладно, адмиралы, давайте за встречу! (короткое застолье)

Владимир Соломатин. Всё-таки, Есенин – это гений! Вот из «Письма к женщине».

Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянии.

Станислав Панкратов (продолжает)

Ну, кто ж на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.

Станислав Панкратов. Смотрите, Есенин не лукавит ни в чём.
Николай Рубцов. Хорошо, что опубликовали Есенина. Вы знаете, что Есенин встречался с Блоком? И связь у них видна поэтическая. Вот из Блока, из стихотворения «Россия».

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые, –
Как слёзы первые любви!

Владимир Соломатин. Эти блоковские мотивы перекликаются с «Родиной» Лермонтова.

Но я люблю – за что, не знаю сам –
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям,
Просёлочным путём люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.

Станислав Панкратов. Это, конечно, гениально. Давайте, наши почитаем! Только без комментариев! Маленькое четверостишие.

А море, как весёлый пёс,
лежит у отмели и кос.
И быстрым языком волны
Облизывает валуны.

Станислав Панкратов. Коля, почитай-ка! Если что пополощем тебя! Ребята, Кольку сегодня опять вытащим на суд божий.

Николай Рубцов. Стихи у меня всякие: матросские и деревенские. Из стихотворения «Грусть».

Любимый край мой, нежный и весёлый.
Мне не забыть у дальних берегов
Среди полей задумчивые сёла,
Костры в лугах и песни пастухов.
Мне не забыть друзей и нашу школу
И как в тиши июльских вечеров
Мы заводили в парке радиолу
И после танцевали "Вальс цветов".

Станислав Панкратов. Отлично. Да, это почти готовая песня!

Николай Рубцов. Согласен. Ещё лирическое. Без названия.

Пора любви среди полей,
Среди закатов тающих
И на виду у журавлей
Над полем пролетающих.
И ты ходи почаще в луг
К цветам, к закатам пламенным,
Чтоб сердце пламенело вдруг,
Не стало сердце каменным.
Да не забудь в конце концов,
Хоть и не ты, не ты моя:
На свете есть матрос Рубцов,
Он друг тебе, любимая.

Валентин Сафонов. Ну что? Кто, что скажет?

Станислав Панкратов. По-моему, нормально, в основном. А последнее – подражание Есенину. Как «Письмо к женщине».

Владимир Соломатин. Да, Колька, с твоим уровнем понимания природы и жизни сложно будет соревноваться!

Виктор Ф. А, по-моему, как-то простовато. Не хватает сильных сравнений, не достаёт мощи. Как-то легковесно. Есть повторы: «к закатам пламенным», и следующая строчка «...сердце пламенело...». И тут же сочетание «не ты» два раза повторяется.

Валентин Сафонов. Это не главное. Сейчас все увлекаются Есениным. И Коля тоже. Мы опубликовали его «Северную берёзу» в газете «На страже Заполярья». Коля, прочитай-ка!

Николай Рубцов. Пожалуйста! (читает)

Есть на севере берёза,
Что стоит среди камней,
Побелели от мороза
Ветви чёрные на ней.
Так ей хочется «Счастливо!"»
Прошептать судам вослед.
Но в просторе молчаливом
Кораблей всё нет и нет...
Спят морские перекрёстки,
Лишь прибой гремит во мгле.
Грустно маленькой берёзке
На обветренной скале.

Валентин Сафонов. Здесь у Коли прямое подражание Сергею Есенину, его стихотворению «Белая берёза».

Владимир Соломатин. И вот слушайте! Нашу газету поэты-матросы завалили стихами о берёзке. Ну, мы дали в газете пародию. Прошу внимания! Из пародии «Берёзка заполярная».

Пусть о ней стишата хлипки,
Но коль дан пиитам дар,
Обдерут её как липку,
Изведут на гонорар.

Николай Рубцов. Всё правильно. Согласен и не в обиде. Как-то бездумно мы иногда пишем. Берём то, что лежит на поверхности (а сам улыбается, как бы, про себя). Можно ещё одно.

Владимир Сафонов. Ну, давай последнее!

Николай Рубцов. «Элегия» или «Стукнул по карману – не звенит, стукнул по-другому – не слышать...» Это песня (играет на гитаре).

Виктор Ф.(после окончания песни) Оригинально, Рубцов!

Валентин Сафонов. Да это – шедевр! А то наш Юрок перед входом в кафе: Нет денег! Денег нет! Как попугай! Примитивно! А тут: Стукнул по карману – не звенит!

Станислав Панкратов. Сейчас Владимир Васильевич ведёт отбор стихотворений для альманаха «Полярное сияние» под рубрикой «Счастливого пути». На гражданку пойдём с напутствием. А дальше всё в наших руках и в голове то же.

Валентин Сафонов. А Владимир Васильевич вчера заявил, что на небе есть звезды разных величин. Так, мол, Твардовский в поэзии – звезда первой величины. Наши некоторые поэты-маринисты – звёзды второй величины. Ну а он, наверно, пока – седьмой. Но всё равно звезда!

Владимир Соломатин. Ну, а Колька Рубцов ему и высказался: – Да что там звезда! Солнце вы, Владимир Васильевич! Незаходящее солнце нашей кольской поэзии!

Валентин Сафонов (спрашивает Виктора Ф.). Ну как дела? После того, как мы дали твою подборку в газете, тебя и не видно. А с тебя причитается!

Виктор Ф. Поддал я тогда капитально. Попался. Мне берег и зарубили на месяц.

Владимир Соломатин. Это со всеми бывает.

Виктор Ф. Обрыдло мне всё!

Станислав Панкратов. Что всё?

Виктор Ф. Да всё на свете! И чёртовы эти сопки, похожие на сухари, и окаянное море.

Валентин Сафонов. Море-то при чём?

Виктор Ф. (взъярился) А при том! Куда не глянешь – каждая вещь с казённым клеймом. Подушки, на которых сплю, одеяло, которым укрываюсь, простыня. На полотенце клеймо, на робе, на бескозырке! И сами клеймёные, словно каторжные! (зло сплёвывает и уходит)

Валентин Сафонов (негромко). Виктор! Виктор!

Николай Рубцов. Не надо, Валентин. Не стоит.

Валентин Сафонов. Нелепо всё, глупо. Надо догнать.

Николай Рубцов. Не надо (после паузы). Не будет из него поэта.

Только себя и видит, и никого вокруг больше.

Владимир Соломатин. Коля! А ты ведь всю жизнь на клеймёных подушках и с клеймёным одеялом. Что в детдоме, что на флоте.

Николай Рубцов. Где бы я был без казённых домов? А у него Родина там, где лучше. Эх, весело живёте, парни! Я про вашу хату песню сочиню.

Валентин Сафонов. Ждём, ждём! Давай сочиняй!

Входит сосед в свитере и тапочках.

Сосед. Ребята, почему вы не топите, как следует, печку? Моё тепло к вам уходит.

Николай Рубцов. Что!? (встаёт на стул и указывает пальцем). Вы – грубый, невоспитанный человек в грязных сапогах. Вам нет места в этом храме (обводит рукой комнату). Немедленно выйдите вон!

Сосед, моргая, ошарашенный, уходит. Все смеются.

Валентин Сафонов. С чего ты про сапоги завернул? Он же в шлёпанцах ввалился.

Николай Рубцов (серьёзно). Мне показалось, что в сапогах, в грязных.

Валентин Сафонов. Ребята, а я тут комплимент получил. О моих последних стихах наверху было сказано: «Стихи написаны на уровне поэтов – профессионалов, и мы сомневаемся, что такие стихи может написать простой матрос. Поэтому и не решаемся их печатать из-за боязни плагиата». В общем, чем лучше напишешь, тем меньше шансов напечататься.

Николай Рубцов. А я всё меряю по Есенину. У него неудержимо буйный (в русском духе) образ жестокой тоски по степному раздолью, по свободе. В стихах должно быть «удесятерённое чувство жизни», как сказал Блок. Тогда они действенны. В большинстве стихов наших флотских, как ты, Валя, называешь пиитов (да и не только наших), как раз не достаёт этого. Какие-то скучные схематические стишки.

Сцена 2

Москва, общежитие литинститута им. Горького, комната студентов, две кровати, длинный стол, стулья, тумбочка, чайник, плитка, на столе чайная посуда. За столом Николай Рубцов, Борис Шишаев и Василий Нечунаев пьют чай с печеньем.

Борис Шишаев (обращается к Рубцову) А ты что такое печенье взял? Не мог лимонное купить за 30 копеек?

Николай Рубцов. Не мог. Стукнул по карману – не звенит!

Все смеются.

Василий Нечунаев. Я недавно написал стихотворение «Сверчок». Коля, послушай! (читает)

Жил запечный сверчок.
Заимел пяточок.
Уж он этак и так
Крутит – вертит пятак.
То играть им начнёт:
С печки на пол метнёт.
А потом глядь – поглядь –
Пятака не видать.
Дурачок ты, сверчок
Потерял пяточок.
Кабы умненький был,
Ты бы пряник купил.

Борис Шишаев. А ты юморист, Вася!

Николай Рубцов. Вася! У меня тоже есть детские стихи. Послушайте мою «Козу».

Побежала коза в огород.
Ей навстречу попался народ.
– Как не стыдно тебе, егоза? –
И коза опустила глаза.
А когда разошёлся народ,
Побежала опять в огород.

Входит Валентин Сафонов с пакетом продуктов. Здравается со студентами. Обнимается с Николаем Рубцовым: «Сколько лет, сколько зим». Садятся за стол. Тосты за поэзию и за встречу.

Борис Шишаев. Давайте я покажу своё «Родовое имение».

Вот имение моё родовое –
Дом, куда приезжаю гостить.
Вот селенье моё рядовое,
Где земля всё поймёт и простит.

Всё земля предусмотрит заранее,
Всё умеет она понимать,
Так хранит то, что губим мы сами,
Что до слёз я хочу пожелать

И такого терпенья и силы,
И такой доброты всем живым
...И проносятся ветры России
Над именем моим родовым.

Валентин Сафонов. Это ты Луговского начитался!

Борис Шишаев. Ты что?! Я никогда Луговского не читал и читать не собираюсь!

Николай Рубцов. Он одного меня читает. Валентин, а где брат твой Эрнест, наши морские поэты?

Валентин Сафонов. А кто где. В общем, кто в разъездах, а кто в тиши кабинетов. Мысли оформляют в книги.

Василий Нечунаев. Коля, а ты начал печататься и сборники выпускаешь. Тебе кто помогает?

Николай Рубцов. Помогли Стариков, Максимов, Феликс, Исаев. Спасибо им!

Валентин Сафонов. Без помощи трудно, но и поэзию надо иметь за душой

Николай Рубцов. Конечно! Да, растут у нас поэты! Важно, конечно, слушать голоса и музыку окружающей среды. Я стихи подсознательно проверяю по Тютчеву и Фету. Но пишу своё.

Борис Шишаев. Да, Коля! Как ты всё видишь? И как ты сказал: «За всё добро расплатимся добром». Это надо вывесить на улицах всех городов. И тысячу раз прав великий Тютчев, сказав «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...»

Николай Рубцов. Хорошо, когда стихи от души! Вот для всех моё родное стихотворение. Ты, Валя, его ещё не слышал (читает).

Я буду скакать по холмам задремавшей Отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племён,
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времён...

Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои,
Пустынно мерцает померкшая звёздная люстра,
И лодка моя на речной догнивает мели.

О сельские виды! О дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!

Я буду скакать, не нарушив ночное дыханье
И тайные сны неподвижных больших деревень.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую лёгкую тень.

Валентин Сафонов. Хорошо... Но тут больше Блока, чем Рубцова.
Борис Шишаев (запальчиво) А ты свои почитай! Посмотрим, кого там больше Блока или Луговского. Что слабо?

Валентин Сафонов. Слабо, потому как давно пишу прозу. Да и вообще после Пушкина писать стихи считаю за подлость.

Борис Шишаев. А проза после Достоевского – не подлость?

Николай Рубцов. Ну ладно, мужики, хватит. Поэзии и прозы на всех хватит, главное, чтобы без подхалимажа и по-доброму.

Николай Рубцов и Валентин Сафонов отходят в сторону.

Валентин Сафонов. Ну как живёшь, Коля? Где базируешься?

Николай Рубцов. А везде. Под небом России. Только боюсь один оставаться, одиночества боюсь. По-моему, нет у Блока ничего похожего на моё «По холмам задремавшей Отчизны...»

Валентин Сафонов (обнимает Николая Рубцова). Извини, Колька, не прав я, бес меня попутал! Не ожидал я от тебя такого:

Я буду скакать по холмам задремавшей Отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племён.

Валентин Сафонов. Это у тебя уже другой уровень поэзии. Ну ладно. Я поехал в Рязань. Зашел на минутку. Коля, приезжай к Есенину. В Рязань, в Константиново.

Николай Рубцов. Приеду. Обязательно.

Прощаются. Валентин Сафонов уходит.

Николай Рубцов (к Василию Нечунаеву). Хорошо живёшь, Вася. Козёл, борода, грядки. А мне сейчас и податься некуда. В деревню ехать не могу. Институт надо закончить. И печататься надо. И не понимают меня. И за стихи мало платят. Иногда тоска берёт. Крыши нет над головой. Ни прописки, ни денег. Устал я от нервотрёпки. Как будто кто-то гонится за мной (читает).

Ты не знаешь, как ночью по тропам
За спиною, куда не пойду,
Чей-то злой, наступающий топот
Всё мне слышится словно в бреду.

Николай Рубцов задумывается, опускает голову.

Борис Шишаев. Не надо, Коля! Жизнь – сложная штука Тебе надо поехать отдохнуть куда-нибудь.

Василий Нечунаев. Знаешь что! Поезжай к нам в Сибирь! К моей сестре Матрёне. Я её предупрежу. Будешь жить в моей комнате. Посмотришь Обь, Катунь. Наш Алтай – колыбель Скифии.

Николай Рубцов (после паузы). А может быть, поеду. Подумаю.

Входят Анатолий Передреев с пакетом, Игорь Пантюхов с банкой солёных огурцов, Александр Черевченко и студентки Галя и Нина. Здравуются.

Анатолий Передреев (подаёт большой пакет) Это к столу! Кто лучше всех умеет готовить стол?

Гая. Это мы с Ниной, конечно. Мужики-то всё тяп-ляп, на скорую руку (готовят стол).

Николай Рубцов. Ребята, почитайте-ка, что-то новое? Не будем же превращать встречу в пьянку?

Игорь Пантюхов. Почитаем! Почитаем-ка друг друга при этом. Мой стих «На вахте».

Уснул геолог под дремучей елью
За сотни верст от дома своего.
Пусть отдохнёт хоть раз за всю неделю-
Я недосплю сегодня за него.
И за мальчишку, что под солнцепёком
Весь день ракету строил у пруда.
И вот, свернувшись у отца под боком,
Берёт в ней курс неведомо куда.
И за влюблённых, и за всех поэтов,
И за шофёра, что припал к рулю, –
За всех, кто строил мирный день планеты
Я в эту ночь немного недосплю.

Борис Шишаев. Теперь моя очередь. «Поздняя гроза».

Всё как будто рванулось из плена,
Загудело могучей струной,
И калёные листья смятенно
Проносились во мгле по прямой.
И гадали у сруба мужчины,
Что в природе так вдруг прорвалось:
То ли радость без всякой причины,
То ль давно накипевшая злость.

Анатолий Передреев. Что это у тебя за «калёные» листья? Режет слух. Надо другой эпитет. И потом листья по прямой не летают.

Николай Рубцов. А мне нравится эта идея гадания мужиков о причинах молнии и грома, вроде как знак сверху, об ожидаемой перемене в жизни.

Александр Черевченко (встаёт). А я прочитаю «Памяти Есенина». Пока что он – наш пророк в этом веке. У него многие стихи – готовые песни.

Ребёнка плач, мычанье стада,
Звон колокольчика вдали,
Моей усталости отрада -
Живая музыка земли.
Россия! Русь...Найти пытаюсь
Исток бессмертья твоего.
Ни от чего не отрекаюсь,
Не отвергаю ничего.
Несут меня твои паромы,
Ведут меня твои дела.
Ревут твои аэродромы,
Молчат твои колокола.
И горько слышать мне, и сладко,
Как вдруг в смятенье городском
Заплачет русская трёхрядка,
Сама не ведая о чём.

Борис Шишаев. Здорово, Саша! Ни прибавить, ни убавить.

Галя. Редко так хорошо говорят о России. А музыка и песни – наше спасение в «смятенье городском».

Нина (встаёт). Я тоже прочитаю. Лирическое.

Вхожу опять в любовный вкус,
Я перед вами каюсь, каюсь!
Центростремительно влекусь
И центробежно отдаляюсь!
Об лёд, как рыба, часто бьюсь,
Когда рыбак меня бросает.
Но я опять ловлюсь, ловлюсь,
Особенно в начале мая.

Николай Рубцов. Мадам, уже падают люстры! Отдыхайте! Идите ловиться.

Галя и Нина уходят.

Николай Рубцов. Я прочитаю «Утро перед экзаменом». По математике. Как сдал её на выпускных экзаменах, не знаю. Я же 6 лет до того служил и работал.

Тяжело молчал
Валун-догматик
В стороне от волн...
А между тем
Я смотрел на мир,
Как математик,
Доказав с десяток
Теорем.
Вдоль залива,
Слово знак вопроса,
Дергаясь спиной
И головой,
Пьяное подобие
Матроса
Двигалось
По ломаной кривой.
Я подумал:
Это так ничтожно,
Что о них
Нужна, конечно, речь,
Но всегда
Ничтожествами
Можно,
Если надо,
Просто пренебречь!

Василий Нечунаев. Это гениально!

Входит с сумкой Николай Анциферов.

Николай Анциферов. От шахтёров – будущим поэтам и писателям (здороваются, стол сервируется).

Александр Червченко (встаёт). Тут Коля Рубцов кинул интересную идею, что математически ничтожествами можно пренебречь. За это!

Николай Рубцов. За всё Добро! Поэтов сегодня больше, чем вина.
Читаем вкруговую.

Василий Нечунаев. Вот у Игоря есть такие строчки, которые я
взял как эпиграф:

Ведь без соли и вода
Только аш два О и только...
Публика, балдея, прибывала,
Булькал в нетерпенье полный бак...

Василий Нечунаев. (показывает на банку с огурцами).
Дружеский шарж, Игорю, о воде и соли.

Аш два О!
Как много в этом звуке!
Аш два О!
И в бане, и в науке,
И в пожарной части ей почёт.
Аш два О известна всем и всюду,
Аш два О потребна аж верблюду.
Без неё поэзия умрёт.
Но беда
 с непросвещённой прессой:
Пресса
аш два О считает пресной.
Потому
 я истину нашёл.
Истина!
 Ты в огуречной бочке!
Обалдеет
 публика от строчки,
Если в ней
 забулькает рассол.

Игорь Пантюхов. Ну ты даёшь! Я-то думал у тебя детские
легкие стихи. А ты уже корифеев пародируешь.

Анатолий Передреев. До корифея тебе ещё далеко. Следующий!

Александр Черевченко. Недавно я написал «Перелётные птицы». Ребята, посмотрите, может это плагиат смысловой.

Подскажите нам, люди, слова –
мы не знаем, не знаем, не знаем
на какие летим острова
и какие края покидаем!
Если родина наша – леса,
где седеют осенние ели,
почему же, раскинув глаза,
мы на юг от неё улетели?
Если нет, то зачем без конца
снится нам непокошенный клевер
и сжимаются птичьи сердца,
и трепещут и рвутся на север?

Николай Рубцов. Саша, у тебя совсем другие «Перелётные птицы», отличаются по идее от Исаковского. Смотрю, у каждого поэта есть хотя бы одно пророческое стихотворение

Николай Анциферов. Это о Родине хорошо и серьёзно. Надо что-то делать с вами, ребята. Стихи у вас, как родные. Надо подумать о публикациях.

Николай Рубцов. А всё-таки, ребята, надо рассмотреть через грозную историю России опасности, которые нам грозят. Оглянитесь вокруг. Сколько крестов на погостах, сколько разрушенных церквей. У нас история тяжёлая и красивая (читает)

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времён татары и монголы.
Они несут на флагах чёрный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов

в окрестностях

России.

Трущобный двор. Фигура на углу.
Мерещится, что это Достоевский.
И жёлтый свет в окне без занавески
Горит, но не рассеивает мглу.
Гранитным громом грянуло с небес!
В трущобный двор ворвался ветер резкий,
И видел я, как вздрогнул Достоевский,
Как тяжело ссутулился, исчез...
Не может быть, чтоб это был не он!
Как без него представить эти тени,
И жёлтый свет, и грязные ступени,
И гром и стены с четырёх сторон!

Николай Анциферов (смеётся). Пить надо поменьше, Рубцов. Тогда не будет всё мерещиться. А вы, юноши, как поэты, мне нравитесь!

Вошёл верзила-«поэт», в лаптях, телогрейке, подпоясан верёвкой. Верзила-«поэт» (величаво поднимает руки).

Почему такая грусть?
Вас ждёт кругом родная Русь!

Николай Рубцов (встаёт) Как же ты осмелился... Таким убогим и в русскую литературу. Ведь, в русскую, дурак! Удались, несчастный!

Верзила-«поэт», обиженный, уходит.

Николай Анциферов. Ну что, друзья, выпьем за радость и печали! Поэты, вперёд и с песнями! (малое застолье)

Анатолий Передреев. Смотрите, ребята, как наши корифеи шпарят?! Как воспевают энергию труда! Могут зарифмовать любую стройку. Далеко пойдут! Где они останятся? Как думаете?

Николай Рубцов. О чём ты говоришь, Толя? Они на поля смотрят как на картинки и скатерть для пикника. Кто они? Рифмоплёты городские или страдальцы неудовлетворённые? А тут в журнал приносишь стихи, редактор, то смеётся, то плачет,

переписывает стихи для своих домашних. Спрашиваю: Ну что, опубликуете? Отвечает: – Нет, тенденция не та. Лакеи они, а не редакторы.

Анатолий Передреев. Верно, Коля! А без понимания природы и Родины поэта не будет! И без понимания русского мужика, со всей его сложностью – будет просто деградация. У меня вот сборник подготовлен, а печатать не берут. Берут хитромудрых «лакировщиков».

Николай Рубцов. И что у нас за поэты такие? Клянутся в любви, а сами равнодушны! Оторвались от деревни, а к городу не пришли. Эти рифмоплёты русских классиков не умеют прочитывать, в смысле понимать. Пойду-ка прогуляюсь (берёт сумку, уходит).

Александр Червченко. Правильно Рубцов заставляет задуматься. Вспомнить классиков. Лермонтов сказал на убийство Пушкина:

Есть Божий суд, наперстники разврата!
Есть грозный судия, он ждёт!
Он не доступен звону злата,
Все мысли и дела свои он знает наперёд!

Анатолий Передреев. А Державин что сказал:

Осёл останется ослом,
Хотя осыпь его звездами,
Где надо действовать умом,
Он только хлопает ушами.

Николай Анциферов. Правы вы, ребята! Эти городские пииты воспевают телефонно-асфальтовую любовь. Или закручивают необычные ассоциации. А помочь вам попробуем.

Постепенно все прощаются и расходятся. Остаются Борис Шишаев и Василий Нечунаев. Возвращается Николай Рубцов с сумкой и набором портретов. Достает вино, закуску. Кладёт на стол портреты.

Василий Нечунаев. Коля, хватит на сегодня? И закуски нет почти.
Николай Рубцов. Спокойно, мужики! Как хотите! Освободите помещение! Мне надо с мудрой компанией поговорить.

Борис Шишаев и Василий Нечунаев выходят. Николай Рубцов достаёт портреты Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока и расставляет их на столе у стенки, ставит каждому рюмку, наливает по рюмкам вино, чокается рюмкой у портрета Пушкина. *Николай Рубцов.* Александр Сергеевич! Вы – звезда первой величины! Нет, вы именно солнце! Это надо же такое придумать?!

У лукоморья дуб зелёный,
Златая цепь на дубе том,
И днём, и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом.
Пойдёт направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит.
Там чудеса, там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит.

Николай Рубцов. Гениально! (обращается к портрету Лермонтова). Михаил Юрьевич! Вот Вы – звезда первой величины! (чокается с портретом, декламирует)

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? Жалею ли о чём?

Николай Рубцов (у портрета Некрасова) Николай Алексеевич! За одну Вашу «Коробочку» отдаю свою «Элегию» с идеей «Стукнул по карману – не звенит» (чокается рюмкой с портретом и поёт)

Эх, полным полна моя коробочка,
Есть и ситец и парча!
Пожалей душа, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!

Николай Рубцов. И вот эта ваша трезвая мысль?! Про нас самих! Да ещё сто пятьдесят лет назад сказано! А то придурки всё глаголят: Бездельники! Пьянь, мол, да пьянь! (декламирует)

Пьём много мы по времени,
А больше мы работаем,
Нас пьяных много видится,
А больше трезвых нас!

Николай Рубцов. Вот так-то! Попробуйте, повкалывайте на селе! (подходит к портрету Блока). Дорогой Александр Александрович! За Вас и «Незнакомку»!

В комнату заглядывают Борис Шишаев и Василий Нечунаев.
Николай Рубцов. Кышь отсюда! Не мешайте! Видите, я с классиками беседую, равными себе! Поняли?! (продолжает чокаться рюмками у портретов) Ваше здоровье, Михаил Юрьевич! И Ваше, Александр Сергеевич! (закусывает попутно).

Входит комендант общежития Николай Андреевич П. (по кличке «Циклоп») с дамочкой из администрации общежития.
Николай Андреевич П. Это что такое, Рубцов?! (показывает на портреты) Ещё один талант! (пауза) Все портреты на место.
Николай Рубцов (пьёт воду, пауза) А что я не могу выпить с достойными людьми? (собирает портреты)
Дамочка из комиссии. Да за такие штучки надо исключать! Я подготовлю нужный протокол, Николай Андреевич.

Комиссия уходит. Входят Александр Черевченко, Борис Шишаев, Василий Нечунаев.
Александр Черевченко. Ты, Колька, молчи! Что же делать? (пауза) Надо идти к Яшину! К Александру Яковлевичу! Ведь исключат из института.
Николай Рубцов (декламирует):

Ах, город село таранит!
Ах, что-то пойдёт на слом!
Меня всё терзают грани
Меж городом и селом.

Николай Рубцов. Ребята, давайте споём! (играет на гитаре «Осеннюю песню»).

Сцена 3

Окрестности Вологды. На берегу стоят сбитый из досок длинный стол, рядом две скамьи. Сидят две девушки и два парня, с собой гитара. Парень с гитарой поёт песню «Купавы». Девушка берёт гитару и поёт песню «В минуты музыки печальной...»)

Входит компания поэтов и писателей Вологодчины с сумками и пакетами для пикника на лоне природы, среди них: Александр Романов, Виктор Коротаев, Николай Рубцов, Василий Белов, секретарь обкома Анатолий Семёнович Дрыгин, Сергей Багров, Алексей Шилов, Сергей Чухин, Ольга Фокина, Борис Чулков, сотрудницы писательской организации Таня и Мария. Вологодская кампания распаковывает сумки, накрывают стол.

Анатолий Семёнович. Коля, а тебя уже поют?!

Алексей Шилов. Ребята, дайте-ка мне гитару на минуту! (берёт гитару и играет песню «Прекрасно небо голубое»).

По окончании песни девушки и парни уходят, обнявшись.

Александр Романов. Всё готово? Слово предоставляется Анатолию Семёновичу!

Анатолий Семёнович. Дорогие друзья! Я как бывший командир полка приветствую бойцов русской словесности! Объявляю творческое заседание писателей и поэтов открытым! Тост – за таланты Вологодчины!

Александр Романов (встаёт). На правах неофициального председателя! Между первой и второй перерывчик небольшой! (обращается к Рубцову). Коля, с тебя тост!

Николай Рубцов. Все готовы? (читает)

За Вологду, землю родную,
Я снова стакан подниму!
И снова тебя поцелую,
И снова отправлюсь во тьму,
И вновь будет дождичек литься...
Пусть всё это длится и длится!

Застолье, непринуждённые беседы.

Александр Романов. Слово поэтам! Виктор, почитай!

Виктор Коротаев (встаёт). Прошу внимание. «Василёк».

Словно пожелав – капризной милой –
Угодить науке полевой,
Василёк

 учёные светила
Обозвали сорною травой.
Но, светясь и радуясь рассветам,
Сколько он у баб и мужиков
За одно коротенькое лето
Выполол из сердца сорняков.

Сколько он за век, что так не долог,
Детских головёнок увенчал,
Закружил девических головок
И голов разумных раскачал.

А не будь его – представьте сами, –
Через радость шествуя и грусть,
Изо ржи
Какими бы глазами
На детей своих
Смотрела Русь.

Таня. Виктор, дай я тебя поцелую!

Виктор Коротаев (показывает на Таню, читает, декламируя)

Я не успел промолвить слова,
Не знаю,
 как,
 когда
 – светла –
С крылечка терема какого,
Смеясь, та женщина сошла.
Я только помню:

Гул перрона
Как будто рухнул под откос.
А на ветру плыла корона
Её каштановых волос.

Мария (к Виктору). Любишь ты, Виктор наших красавиц!

Виктор Коротяев. Не без греха.

Александр Романов (обращается к Сергею Багрову). Серёжа, может, ты что-нибудь считаешь?

Сергей Багров. У меня рассказы о тружениках деревни. Воздержусь.

Анатолий Семёнович (обращается к Василию Белову). Василий Иванович! Прочитай какой-нибудь рассказ!

Василий Белов. Хорошо. Называется «Жалоба». Это правдивая история (читает рассказ).

«В газету «Известия» города Москвы от механизатора совхоза «Маяк» Петруничева Н.И. Жалоба. Прошу разобрать моё заявление по существу, потому как нахожусь в настоящее время в безвыходном положении.

Я, Петруничев Н.И., в совхозе «Маяк» живу второй год, имею трёх детей дошкольного возраста, проезжая со станции с грузом соли, промок в реке. По причине холодной температуры я купил маленькую и заехал к знакомому другу, а он в долгу не остался и купил на мои деньги большую. После чего я благополучно доставил груз соли на склад, заглушил трактор и вместе со знакомым другом пошёл на свою квартиру. Оба были в стадии ниже среднего опьянения».

Некоторые слушающие смеются.

Мария. Очередной повод этому Петруничеву напиться.

Борис Чулков. А что было делать трактористу после холодного купания? Он же мог и заболеть. Василий Иванович, дальше читайте.

Василий Белов. Продолжаю. «Ступив на крыльцо, я сразу почувствовал, что ворота для нас закрыты, стал стучать сперва рукой, потом сапогом, но никаких результатов. После чего наше терпение лопнуло, и мы со знакомым другом купили ещё,

поэтому началась вторая стадия. Моя жена, психически нормальная женщина, в этот день была расстроена соседской руганью. Она не выдержала нашего вида (Многие смеются. Возглас: – Ещё бы). Она всячески оскорбила знакомого друга, а я был вынужден сидеть на крыльце квартиры и уснул. В это время она живьём сволокла меня к колодцу, начала обливать холодной водой, после чего бросила на произвол судьбы. Очнувшись от сна, я, незаслуженно мокрый, простудился ещё больше, и наконец она открыла ворота. Я хотел спокойно уйти спать, взял подушку и полез на печь, но она выхватила у меня подушку. После чего мои нервы вторично не выдержали, и я смазал ей по правой, потом по левой щеке. А она с нецензурным криком бросилась к участковому т. Гурьеву на его квартиру и, придя вместе с ним, всячески на меня кричала и заявила: «Я тебя всё равно посажу». И это на родного-то мужа!

Виктор Коротаев. Ну зачем жена у спокойного мужа да ещё на печи вытаскивает подушку? Это провокация. И вот результат.

Сергей Чухин Вот и женись на такой женщине. Не добрая она.

Александр Романов. Таких ситуаций по жизни полным-полно. Надо было потерпеть.

Василий Белов. Читаю дальше от пострадавшего Петруничева. «Есть ли, в конце концов, хоть капля в них женской ласки и справедливости? После таких слов жены я опять вышел из рамок и смазал ей по щеке ещё раз, итого я смазал 3 (три) раза, один раз в присутствии т. Гурьева (слушающие реагируют по-всякому). По причине глухой ночи и стычки с личной женой участковый т. Гурьев всё своё неудовольствие истратил на меня и под утро составил акт на предмет моего ареста по мелкому хулиганству.

В районном суде по-настоящему не разобрались, реплики моих доводов не выслушали и припаяли мне десять суток ареста. Но в общей сложности я отсидел двенадцать суток рабочего времени, так выходные мне не зачли (все смеются). Вернувшись домой, я взял себя в крепкие руки, исколол все дрова и начал делать тракторный техосмотр. Я решил воспитать жену местными терпеливыми средствами. Мы с ней помирились, и я без всякой паники истопил очередную баню. Наши дети были в этот момент в гостях у бабушки, мы мылись вдвоём, после чего я

пошёл из бани домой. По дороге к дому мне стало очень смешно и обидно, я воротился к бане и припёр двери толстой еловой чуркой. Говоря: поскольку в нашем совхозе женское равноправие, то посиди и ты, хотя бы сутки, т.е. в десятикратном размере меньше, чтобы на своём опыте поняла, почём фунт лиха. Она закричала на меня мужскими ругательствами, а я сказал, что добавлю за это ещё полсуток. И ушёл домой.

Сергей Багров. Ну, это уже дурачок.

Николай Рубцов. Получается, что за зло расплатимся злом.

Ольга Фокина. Понять мужика можно, но будет плохо в семье.

Василий Белов. Продолжаю за Петруничева. «Несмотря на глубокую ночь, я не мог уснуть и всё думал о ней. А когда мне её стало невмоготу жалко, обул сапоги и освободил жену из-под стражи. Я думал, что на этом инцидент кончился, но она, не заходя в квартиру, в одном халате ударилась к участковому т. Гурьеву. В настоящее время нахожусь в ожидании суда в уголовном порядке, прошу вашей срочной помощи в поисках справедливости, потому как сидеть полтора-два года в тюрьме, это не всё равно. Возьми кого хочешь (все смеются). А главное, не могу вытерпеть безвиннаправсных репрессий.

К сему Петруничев.

Анатолий Семенович. Похоже на правду.

Сергей Чухин. Обхохочешься.

Сергей Багров. Обплачешься.

Борис Чулков. Вот так и подсаживают русские друг друга.

Александр Романов. Может, когда-нибудь прозреют, протрезвеют и вспомнят русскую пословицу: «Не рой яму ближнему своему!»

Василий Белов (обращается к А.Романову). Саша, прочитай своё!

Александр Романов. Лады. Но потом пусть наш гений почитает (показывает на Николая Рубцова). Отрывок из стихотворения «Улица Александра Яшина».

Допытывал на Родине

За стопкою вина:

– Что пишете, не врёте ли?

Смотрите – жизнь одна.

Твердил он без усталости,
Что честная строка
Запомнится, останется,
Быть может, на века.

Николай Рубцов. А сколько раз меня спасал Яшин в разных ситуациях! Если бы не он, то, может быть, пришлось бы сидеть мне сейчас за железной решёткой, распевать бы да слагать тюремные песенки, да клевать бы, как птица, клюкву на болоте во время перекуров. А за что? За то, что я не считаю, что деньги и барахло – стимул жизни.

Александр Романов. Читай, Коля. Он нас, правда, никого за поэтов-то не признаёт. За друзей, это – пожалуйста!

Николай Рубцов. Это не совсем так. Или совсем не так. О моём житье-бытье. Поскольку многие считают, что я неправильно живу на белом свете (читает).

Говорят, что жить я не могу,
Что не прячусь я от непогоды,
Говорят, что я не берегу
Драгоценной молодости годы!

Да, они правы, что я спешу!
Но спешу не ради личной славы,
Не простят хвалебный этот шум
Русских сёл обычаи нравы!

Ты свети в дали своей, свети,
Счастье! Ты зови меня, как сына!
Достигают счастья лишь в пути,
А не возле тёплого камина.

Таня. Куда же ты спешишь, Коля, за счастьем? Вот у тебя в «Вечерних стихах» упоминается Вийон. А кто это – Вийон?

Николай Рубцов. Франсуа Вийон – известный французский поэт семнадцатого века, студент, бродяга, ну и философ, поскольку стихи мало кого кормят. Вот, например, его четверостишие.

Стихи мои, неситесь вскачь,
Как если б волки гнались сзади,
И растолкуйте, бога ради,
Что без гроша сижу, хоть плачь.

Николай Рубцов. Это обо мне. Пусть Борис почитает.
Борис Чулков. Хорошо. Из новой книжки.

Россия! Ты прощала тех,
Кто в трудный час с тобой расстался.
Кто возвращался, кто метался,
И тех, кто за морем остался,
Не отыскав возвратных вех.
Россия! Человек любой
Перед тобой снять должен шляпу.
Навеки прощены тобой
Алёхин, Бунин и Шалапин.
Но можно ли простить тому,
Кто, спекулируя талантом,
Всю жизнь провёл в родном дому,
А был душою эмигрантом.

Николай Рубцов. А мы душою всегда на Руси. У меня просьба к
Ольге. У неё чистая народная поэзия. Почитай о белом лебедь!
Ольга Фокина. Не знаю, смогу ли. А так, слушайте и плачьте!

Лебедь плакал...
Плакал лебедь, плакал белый безутешно.
Лебедь прятал
Под крылом свою головушку от горя,
От печали
Во глубоком тихом озере топился...

Уж ты лебедь,
Уж ты что такого лебедь понаделал?
Али крылья,
Али крылья тебе лебедь отказали,

Али дробью
Подстрелил тебя охотник, больно ранил?

Ох, да крылья,
Мои крылья мне служить не отказали,
Не стреляли,
Ах, нигде по мне из ружей не палили.
Понимали,
Красоту мою охотники щадили...

Да обидел,
Да прогневал я навек родную стаю,
Я покинул,
С лебедями я лебёдушку покинул,
Молодую
С неразумными цыплятами оставил.

Ольга Фокина. Нет, больше не могу. Не буду читать.

Василий Белов. Да, это настоящий северный плач! Здесь это тяжело воспринимать.

Николай Рубцов. Это обо мне Оля написала. Обо мне.

Александр Романов. Пусть наша молодёжь почитает что-нибудь повеселее. Давай-ка, Сережа!

Сергей Чухин. С удовольствием! (читает).

Уходим за последними грибами
Под крапающим медленно дождём,
Хотя отлично понимаем сами,
Что ничего сегодня не найдём.
Уходим за последними грибами
И для согрева пробуем бежать,
И сигареты тёплыми губами
Стараемся подольше подержать.
На пустоши давно ли огребали
Просушенное сено, а сейчас
Уходим за последними грибами,
За первыми ходили и без нас.

Николай Рубцов. Ты, Сергей, поэт! Это Рубцов тебе говорит! Не раболепствуй перед чужим, своё ищи. Верю, Сережа, я в тебя! (обнимает Сергея Чухина)

Виктор Коротаев берёт баян и играет «Эх, яблочко», русскую, барыню (пляшут Николай Рубцов и постепенно вся компания).

Николай Рубцов (поёт частушку)

Ветры сильные, холодные
На севере у нас.
Не могу забыть Танюху
И её весёлых глаз.

Александр Романов и Николай Рубцов отходят в сторону от кампании.

Николай Рубцов. Всё-таки нехорошо мне на душе. Как думаешь, жениться мне? Припадает тут ко мне эта, как бы обозвать, ну ты знаешь кто. Вон Виктор говорит: – Решай сам. Вот и решаю. Тоска порой обволакивает душу. А я всё о своей дочке думаю, о Лене. Будь я не поэт, а работник на ферме – цены мне бы не было. Разве я виноват, что родился поэтом? Вот я всё рифмую жизнь свою. Эх - ма!

Александр Романов. Разве в таком деле, Коля, можно присоветовать! (отходит от Рубцова)

Анатолий Семёнович (отводит Рубцова в сторону). Коля, слышал я о твоих капитальных сабантуях. Ты зачем обозвал соседа рылом? Он – нормальный коммунист.

Николай Рубцов. Какой он коммунист? Он – нормальный карьерист и приспособленец! Представьте себе! Лежу я у себя в будуаре, на шикарнейшей такой раскладушке и размышляю. Этот деятель входит и спрашивает, о чём я думаю. Я ему говорю: «Не мешайте, идите к себе». А он опять: «О чём я думаю?» Отвечаю: «Я думаю, как объединить учения Ленина и Христа, а вы мне мешаете». Ну и добавил известную гиперболу. Он из комнаты вылетел как ошпаренный, даже обсуждать не стал проблему.

Анатолий Семёнович. Ну, ты, Коля, крупный философ! Тем не менее, кончай пить без меры! Знаешь, ведь, русскую пословицу: Пей, да дело разумей!

Николай Рубцов (шутливо) Анатолий Семёнович! Я больше не буду! Но Вы и меня поймите! Поселили меня в коммуналку с Вашим партбоссом. Он же не понимает творческих личностей!
Анатолий Семёнович. Знаю я ваше творчество-художество! А наши олухи не могли ничего лучше придумать, как поэта в коммуналку. Будет тебе квартира, Рубцов! Будет в первом же доме, который на днях сдают. Но ты свою жизнь устраивай, хватит матросить! А с рыжей бестией не связывайся! Я всё знаю!
Николай Рубцов. Спасибо, Анатолий Семёнович! Доверие оправдаю! (делает шутливо руку под козырёк). Хотите пародию на рыжую? (читает пародию «Змея»)

Люблю змею, когда она,
Вся извиваясь и свисая,
Ползёт, глазами завлекая...
О, Господи! Ведь я сама такая!

Анатолий Семёнович. Ну ладно, иди, пой и пляши, гений!

Рубцов и Анатолий Семёнович возвращаются в компанию.

Николай Рубцов. Дорогие друзья! Дайте-ка, прочитаю о Московском Кремле!

Бессмертное величие Кремля
Невыразимо смертными словами!
В твоей судьбе, – о, русская земля! –
В твоей глуши с лесами и холмами,
Где смутной грустью веет старина,
Где было всё: смиренье и гордыня –
Навек слышна, навек озарена,
Утверждена московская твердыня!
Мрачнее тучи грозный Иоанн
Под ледяными взглядами боярства
Здесь исцелял невзгоды государства,
Скрывая боль своих душевных ран.
И смутно мне далёкий слышен звон:
То скорбный он, то гневный и державный!
Бежал отсюда сам Наполеон,
Покрылся снегом путь его бесславный...

